НОВЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Ежеквартальный научно-правовой журнал

№ 3
(июль-сентябрь)
2026 г.

Учредитель и издатель:
Грудцына Людмила Юрьевна
Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»

Основан в 2023 году
Выходит ежеквартально
ISSN 3034-4395 (online)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации СМИ
Эл № ФС 77-85528 от 04.07.2023 г.

Журнал включен в Российский Индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU

© ООО «ЮРКОМПАНИ», 2026

НОВЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Ежеквартальный научно-правовой журнал

Ежеквартальный научно-правовой РИНЦ-журнал, посвященный теоретическим и практическим вопросам контитуционного (государственного права), теории и истории права и государства, вопросам теоретико-правового изучения институтов гражданского общества, конституционному развитию государства и общества, методологии правотворчества и правоприменения, а также актуальным вопросам государственно-правовых наук.

Председатель редакционного совета:

Эриашвили Н.Д.

Главный редактор:

Сангаджиев Б.В.

Заместитель главного редактора:

Шайхуллин М.С.

Литературный редактор:

Медведева Е.А.

Корректор:

Дребезгова Ю.Д.

Компьютерная верстка:

Ерошина Е.А.

Дизайн обложки:

Ерцев Р.А.

Главный бухгалтер:

Антипова Е.А.

Адрес редакции:

121596, г. Москва, ул. Горбунова,
д. 2, стр. 3.Офис В 218. Этаж 2.
Бизнес-центр «Гранд Сетунь Плаза».
м. Сетунь. м. Молодежная.

Тел.: 8-800-700-45-88 (по России)

WhatsApp: 8-900-155-56-05

Сайт журнала: https://new-law.ru

E-mail: info@law-books.ru

При использовании опубликованных материалов ссылка на «новый юридический журнал» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах.

Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование, после которого Редакционная коллегия принимает решение о принятии рукописи или ее отклонении. Автор рукописи извещается о принятом решении. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

© ООО «ЮРКОМПАНИ», 2026

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: **Н.Д. Эриашвили** – доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры РФ, профессор кафедры предпринимательского и трудового права Института государственного управления и права Государственного университета управления.

Ж.А. Бокоев - кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Совета по судебной реформе при президенте Кыргызской Республики.

А.П. Галоганов – доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов.

С.Д. Каракозов - доктор педагогических наук, профессор, проректор, директор Института математики и информатики Московского педагогического государственного университета.

В.В. Комарова – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права РФ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Г.Б. Мирзоев – доктор юридических наук, профессор, президент Гильдии российских адвокатов, ректор Российской академии адвокатуры и нотариата, академик РАЕН, Почетный доктор Бридчпортского Университета (США), Почётный доктор философии университета «EuroSwiss».

Р.М. Мырзалимов - доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, член Редакционного совета Вестника Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики.

К.Х. Рахимбердин - доктор юридических наук, председатель правления Палаты юридических консультантов Восточно-Казахстанской области, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса ВКГУ им. С. Аманжолова, обладатель звания «Лучший преподаватель вуза» Министерства образования и науки Республики Казахстан (2007 г., 2013 г.).

EDITORIAL COUNCIL:

Chairman: **N.D. Eriashvili** — Doctor of Economics, Candidate of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Entrepreneurial and Labor Law of the Institute of Public Administration and Law of the State University of Management

A. Bokoev - Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University, Member of the Council on Judicial Reform under the President of the Kyrgyz Republic

P. Galoganov - Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers.

D. Karakozov - Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice-Rector, Director of the Institute of Mathematics and Informatics of Moscow Pedagogical State University.

V. Komarova - a doctor of jurisprudence, professor managing department of the constitutional and municipal right of the Russian Federation of the Moscow state legal university of O.E. Kutafin (MGYuA).

M. Myrzalimov - Doctor of Law, Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University, Member of the Editorial Council of the Bulletin of the Constitutional Chamber of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic.

Kh. Rakhimberdin - Doctor of Law, Chairman of the Board of the Chamber of Legal Advisors of the East Kazakhstan Region, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure, VKSU named after S. Amanzholova, holder of the title «Best University Teacher» of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (2007, 2013).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: **Б.В. Сангаджиев**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Заместитель главного редактора: **М.С. Шайхуллин**, доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права

Специальность: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

О.Н. Булаков – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Российского государственного гуманитарного Университета

Л.Ю. Грудцына – доктор юридических наук, профессор, профессор ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Почетный адвокат России, эксперт РАН

Б.В. Сангаджиев – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Л.А. Тхабисимова – доктор юридических наук, профессор, директор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Юридического института Пятигорского государственного университета, директор Северо-Кавказского центра избирательного права и процесса, руководитель Северо-Кавказского научно-образовательного центра политико-правовых проблем, Академик АМАН, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, Заслуженный юрист Республики Адыгея.

М.С. Шайхуллин – доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права.

Специальность: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

А.В. Барков - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, Заслуженный юрист России.

Л.В. Андреева - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права МГЮА имени О.Е. Кутафина, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

В.Е. Белов -доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики отделения «Высшая школа правоведения» Института государственной службы и управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

С.А. Иванова - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».

Д.П. Стригунова - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного и интеграционного права Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

EDITORIAL BOARD:

Editor-in-chief: **B.V. Sangadzhiev**, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia)»

Deputy Editor-in-Chief: **M.S. Shaikhullin**, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Law Problems

Specialty: 5.1.2. Public law (state legal) sciences.

O.N. Bulakov - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law, Russian State University for the Humanities

L.Yu. Grudtsyna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian State Academy of Intellectual Property», Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia)», Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences

B.V. Sangadzhiev - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

L.A. Tkhabisimova - Doctor of Law, Professor, Director, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Law Institute of Pyatigorsk State University, Director of the North Caucasus Voter Center for Electoral Law and Process, Head of the North Caucasus Scientific and Educational Center for Political Legal Problems, Academician of the AMAN, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Adygea.

M.S. Shaikhullin - Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for State Legal Re search of the Eurasian Research Institute of Law Problems.

Specialty: 5.1.3. Private law (civil) sciences.

A.V. Barkov - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Saratov State Law Academy, Honored Lawyer of Russia.

L.V. Andreeva - Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Business and Corporate Law, Moscow State Law Academy named after O.E. Kutafina, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

V.E. Belov - Doctor of Law, Associate Professor, Associate Professor, Department of Legal Support of Market Economics, Higher School of Law, Institute of Public Administration and Management, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation».

S.A. Ivanova - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education «Financial University under the Government of the Russian Federation».

D.P. Strigunova - Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of International and Integration Law, Institute of Law and National Security, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation».

РУБРИКИ ЖУРНАЛА

- ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
- ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО
- КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО
- ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА
- ТЕОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА
- ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ
- ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО
- ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ПРАВО
- ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ
- ПРАВО И ЭКОНОМИКА
- ПОЛИТИКА И ПРАВО
- ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА
- ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА
- АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО
- УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС
- ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРАВА
- ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
- ПРИМЕНЕНИЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
- ПРАВОВАЯ РЕФОРМА
- ЮРИДИЧЕСКИЙ АРХИВ

JOURNAL CATEGORIES

- THEORY OF STATE AND LAW
- HUMAN RIGHTS AND CIVIL SOCIETY
- CONSTITUTIONAL (STATE) LAW
- CONSTITUTIONAL LAW ISSUES
- CIVIL LAW THEORY
- CONTROL THEORY
- CIVIL AND BUSINESS LAW
- BINDING LAW
- INTELLECTUAL PROPERTY LAW
- LAW AND ECONOMICS
- POLITICS AND LAW
- JUSTICE AND JURISPRUDENCE
- CIVIL LAW ISSUES
- ADMINISTRATIVE LAW
- CRIMINAL LAW AND PROCEDURE
- DIGITALIZATION OF LAW
- PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION
- APPLICATION OF RUSSIAN LEGISLATION
- LEGAL REFORM
- LEGAL ARCHIVE

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Леонькин И.В. * Сущность и понятие миграционного процесса 12

Айдогдыев М. Х. * Правовая основа инициатив Туркменистана по развитию международной транспортной системы 18

Чесановская О.Я. * Цифровая трансформация регуляторной деятельности Банка России: публично-правовые вызовы 25

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Элеманова Р.Т. * Роль электронных образовательных ресурсов в преподавании истории Кыргызстана в условиях цифровой трансформации образования 31

Кумецкая А.С. * Правовые основания ограничения дееспособности и признания гражданина недееспособным по законодательству РФ и КНР 37

ТЕОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Минаева А. И., Короткова С. О., Мамыкина Е.Н. * Legal design: теоретические основания, принципы и практические инструменты 44

ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Мастрюков А.С. * Преемственность правовых традиций в контексте дискуссии о Норманской теории 51

Швецова П.А. * Зарубежные модели прокурорского контроля за досудебным производством: сравнительно-правовой анализ 56

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Каюмов Д.Д. * Предпринимательская деятельность в условиях финансового мониторинга: правовые ограничения, риски и механизмы защиты 60

ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Хайманова А.О. * Право застройки в судебной практике 65

Лиджиев Т.Б. * Цифровая трансформация правосудия как конституционно-правовая проблема 72

Чернявская С.К. * Пересмотр заочных приговоров в апелляционном и кассационном порядке: единоличное рассмотрение и гарантии права на защиту 76

Топала Е.О. * Анализ процедур привлечения судей к административной ответственности 86

Зиганнурова Э.Р.* Значение судебной практики по делам приказного производства 91

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Журавлёва В.Г. * Завещательное наследование в России: правовые основы 97

Капитонова Э.В. * Три новых вида судебной экспертизы в системе противодействия коррупции: алгоритмическая, психолого-лингвистическая и финансово-трассировочная экспертизы 103

Быковский Т.Н. * Социально-демографический портрет лица, совершающего преступления в сфере незаконного оборота оружия (на материалах судебной статистики) 112

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Шепелев И.В. * К вопросу о конструкции составов преступлений по моменту окончания: не-

законная добыча рыбы или других водных животных (ст.281 УК Республики Беларусь) и незаконная охота (ст. 282 УК Республики Беларусь) 119

Мамкина М.Ю., Гайнуллина С.А. * Особенности уголовного судопроизводства по делам о коррупционных преступлениях 126

Ставрополова Е.А., Мельников В.Ю. * Проблемы разграничения мошенничества (ст. 259 УК РФ) и неправомерного доступа к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ) при совершении преступлений с использованием сети «Интернет» 135

Лиджиев Т.Б. * Уголовно-правовые аспекты противодействия преступлениям, совершаемым с использованием ИКТ 140

ЮРИДИЧЕСКИЙ АРХИВ

Сангулия А.Д. * Право абхазского народа на самоопределение и восстановление суверенной государственности Абхазии (1992–1993 гг.): историко-правовой аспект 144

Загайнов А.К., Марков Р.С. * Правовая модернизация российской монархии в реформаторском проекте С.Е. Десницкого 154

CONTENT:

POLITICS AND LAW

Leonkin I.V. * Essence and concept of the migration process 12

Aidogdyev M.Kh. * Legal basis of Turkmenistan's initiatives on the development of the international transport system 18

Chesanovskaya O.Ya. * Digital transformation of the bank of russia`s regulatory function: public-law challenges 25

HUMAN RIGHTS

Elemanova R.T. * The role of electronic educational resources in the teaching of Kyrgyzstan's history in the context of the digital transformation of education 31

Kumetskaya A.S. * Legal grounds for limitation of legal capacity and recognition of a citizen as legally incompetent according to the legislation of the Russian Federation and China 37

CIVIL LAW THEORY

Minaeva A.I., Korotkova S.O., Mamykina E.N. * Legal design: theoretical foundations, principles, and practical tools 44

MANAGEMENT THEORY

Mastryukov A.S. * Continuity of legal traditions in the context of the discussion on Norman theory 51

Shvetsova P.A. * Foreign Models of Prosecutorial Control over Pre-Trial Proceedings: A Comparative Legal Analysis 56

CIVIL AND BUSINESS LAW

Kayumov D.D. * Entrepreneurial activity under financial monitoring: legal restrictions, risks and protection mechanisms 60

JUSTICE AND COURT PRACTICE

Khaimanova A.O. * Development rights in judicial practice 65

Lidzhiev T.B. * Digital transformation of justice as a constitutional and legal problem 72

Chernyavskaya S.K. * Review of sentences in absentia in appeal and cassation proceedings: single-judge consideration and guarantees of the right to defence 76

Topala E.O. * Analysis of procedures for bringing judges to administrative responsibility 86

Zigannurova E.R. * The importance of judicial practice in cases of summary proceedings 91

PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION

Zhuravleva V.G. * Testamentary inheritance in Russia: legal framework 97

Kapitonova E.V. * Three new types of forensic expertise in the anti-corruption system: algorithmic, psycholinguistic and financial tracing expertise 103

Bykovsky T.N. * Socio-demographic portrait of a person committing crimes in the sphere of illegal arms trafficking (based on forensic statistics) 112

CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

Shepelev I.V. * On the question of the construction of crimes at the moment of completion: illegal harvesting of fish or other aquatic animals (article 281 of the Criminal Code of the republic of Belarus) and illegal hunting (art. 282 of the Criminal Code of the republic of Belarus) 119

Mamkina M.Yu., Gainullina S.A. * Features of criminal proceedings in cases of corruption crimes 126
Stavropolova E.A., Melnikov V.Yu. * Problems of distinguishing fraud (art. 259 of the Criminal Code of the Russian Federation) and illegal access to computer information (art. 272 of the Criminal Code of the Russian Federation) in committing crimes using the Internet 135
Lidzhiev T.B. * Criminal law aspects of countering crimes committed using ICT 140

LEGAL ARCHIVE

Sanguliya A.D. * The right of the Abkhazian people to self–determination and the restoration of the sovereign statehood of Abkhazia (1992-1993): historical-the legal aspect 144
Zagainov A.K., Markov R.S. * Legal modernization of the Russian monarchy in the reformist project of Semyon Desnitsky 154

ЮРИДИЧЕСКИЙ АРХИВ

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.07.2026 г. DOI: 10.24412/3034-4395-2026-3-144-153
Дата принятия рукописи в печать: 17.08.2026

САНГУЛИЯ Аслан Даурович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры государства и права юридического факультета,
Абхазский государственный университет,
Сухум, Абхазия,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВО АБХАЗСКОГО НАРОДА НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ СУВЕРЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ АБХАЗИИ (1992–1993 гг.): ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. *В статье рассматривается историко-правовой аспект борьбы абхазского народа за право на самоопределение и восстановление суверенной государственности в период Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 гг. Автор прослеживает эволюцию абхазо-грузинских противоречий с XIX века, раскрывает механизмы подавления абхазской идентичности в советский период и анализирует правовые основания претензий Абхазии на самостоятельность. Особое внимание уделено вооружённому конфликту 1992–1993 гг.: его причинам, характеру, нарушениям международного гуманитарного права со стороны Грузии, а также международно-правовым аргументам в пользу легитимности стремления Абхазии к независимости. В работе сопоставляются позиции ключевых акторов (Абхазии, Грузии, России, международных организаций), приводятся экспертные оценки (С. В. Черниченко, Л. М. Карапетян и др.) и делается вывод о состоятельности Абхазии как государства и обоснованности права её народа на самоопределение.*

Ключевые слова: *право, самоопределение народа, Абхазия, Грузия, суверенитет, вооружённый конфликт 1992–1993 гг., международное право, историко-правовой анализ, национально-освободительное движение, территориальная целостность, Женевские конвенции.*

SANGULIYA Aslan Daurovich,
Candidate of Law, Associate Professor
of the Department of State and Law,Faculty of Law,
Abkhazian State University,
Sukhum, Abkhazia

THE RIGHT OF THE ABKHAZIAN PEOPLE TO SELF–DETERMINATION AND THE RESTORATION OF THE SOVEREIGN STATEHOOD OF ABKHAZIA (1992-1993): HISTORICAL-THE LEGAL ASPECT

Annotation. *The article examines the historical and legal aspects of the Abkhazian people's struggle for the right to self-determination and the restoration of sovereign statehood during the Patriotic War of the Abkhazian People in 1992-1993. The author traces the evolution of the Abkhazian-Georgian conflicts since the 19th century, reveals the mechanisms of suppressing Abkhazian identity during the Soviet period, and analyzes the legal grounds for Abkhazia's claims to independence. Special attention is paid to the armed conflict of 1992–1993: its causes, nature, violations of international humanitarian law by Georgia, and international legal arguments in favor of the legitimacy of Abkhazia's desire for independence. The paper compares the positions of key*

actors (Abkhazia, Georgia, Russia, and international organizations), provides expert assessments (by S. V. Chernichenko, L. M. Karapetyan, and others), and concludes that Abkhazia is a viable state and that its people have a legitimate right to self-determination.

Key words: *law, self-determination of the people, Abkhazia, Georgia, sovereignty, armed conflict of 1992–1993, international law, historical and legal analysis, national liberation movement, territorial integrity, Geneva Conventions.*

Советский Союз на протяжении 70 лет своего существования сдерживал исторически сложившиеся противоречия и конфликты в «дружной семье» советских народов. Одним из таких узлов противоречий являлись взаимоотношения Абхазии и Грузии, в первую очередь, абхазов и грузин.

Этот конфликт имел глубокие корни, уходящие во вторую половину XIX века, когда опустевшие после Кавказской войны абхазские земли стали активно заселяться колонистами из Грузии.

В 1918 г. попытки самоопределения Абхазии были подавлены войсками Грузинской Демократической Республики, что также не способствовало укреплению взаимопонимания между двумя соседними народами.

31 марта 1921 г. была образована независимая ССР Абхазия, однако просуществовала она недолго и в начале 1922 г. под нажимом Сталина была вынуждена подписать Союзный договор с ССР Грузия.

В 1931 г. Абхазия была введена в состав Грузинской ССР на правах автономной республики.

Весь советский период был отмечен непрерывными усилиями Грузии, направленными на ассимиляцию абхазов и поэтапную ликвидацию абхазской государственности, и столь же упорной борьбой абхазов за сохранение своей этнической идентичности и повышение статуса Абхазии до уровня союзной республики. В таких условиях происходило формирование двух национальных проектов, вступавших в острое противоречие друг с другом [7, с. 29].

Однако, эта непрекращающаяся борьба, как правило, не выплескивалась за политические рамки, т. к. мощная машина подавления, существовавшая в СССР, сдерживала угрозу прямого столкновения между абхазами и грузинами.

В 1989-1991 гг. произошло правовое размежевание между Абхазией и Грузией. В результате этого Грузинская ССР прекратила существование, а на ее месте возникло два несвязанных друг с другом государства - Грузия, заявившая о своей независимости, и Абхазия, которая в соответствии с советским законодательством того периода осталась субъектом Советскою Союза.

Распад Советского Союза, в определенной степени выполнявшего функции гаранта сохранения малых народов и их государственности, породил у Грузии уверенность в том, что она путем силового давления окончательно решит проблему Абхазии.

Этому способствовало состояние грузинского общества, находившегося в состоянии националистическою угара, порожденною многолетней пропагандой национальной исключительности, осуществлявшейся грузинском политической и интеллектуальной элитой.

Абхазский народ в Советском Союзе вел национально-освободительную войну и боролся за свое право на самоопределение в 1957, 1965, 1967, 1978, 1989 годах. В 1978 году в Абхазии был проведён референдум о выходе Абхазской АССР из состава Грузинской ССР. На площади Ленина в Сухуми состоялся двадцати пяти тысячный митинг. Выход Абхазии из состава Грузии, «абхазский вопрос», рассматривался представителями ЦК КПСС, которые были вынуждены приехать в Абхазию: И. В. Капитонов, В. И. Бровиков, А. С. Сенникова, В. В. Васильев, В. П. Рубен, В. Н. Кудрявцева, Э. А. Шеварнадзе, Г. Б. Колбин. В 1978 году абхазский народ мирным путём поставил вопрос о самоопределении [5, с. 42-43].

«Вопрос о вхождении Абхазии в состав Грузии раз и навсегда решён! У вас не спросят, кого заселить в Абхазию. Сочтено нецелесообразным в какой - либо форме решать вопрос выхода Абхазии из состава Грузии» [5, с.43] – принятое решение в корне противоречило ленинской национальной политике. Так было решено на бюро Абхазского обкома КП Грузии.

Но требование Абхазии о восстановлении

ее законных прав и государственности, утраченной по волеизъявлению одного человека до сих пор воспринимается руководством Грузии как национализм и сепаратизм и подавляется всем арсеналом средств государства вплоть до военных действий в 1992 году.

Пакт Бриана-Келлога, принятый в 1928 году, юридически запретил войну как способ разрешения конфликтов. Ст. 33 Устава ООН обязывает все государства разрешать споры только мирными средствами. Это требование содержится и в п. 3 ст. 2 Устава ООН: «Все члены ООН разрешают свои споры мирными средствами, чтобы не подвергать угрозе мир, безопасность и справедливость». В ст. 38 Статута Международного Суда ООН говорится, что споры разрешаются на основе международного права, справедливости и доброй совести. У государства есть только право выбора мирных средств разрешения спора.

Вооружённое вторжение Грузии на территорию Абхазии является началом войны международного характера, хотя Республика Грузия представляет агрессию против Абхазии как внутреннее дело грузинского государства. Однако сам факт обращения Грузии за помощью в Совет Безопасности ООН, в ОБСЕ, к Генеральному Секретарю НАТО М. Вернеру, угроза передачи дела на рассмотрение Международного Суда ООН являются признанием самой Грузией международного характера конфликта[12, с. 90]. Своим обращением в международные органы руководство Грузии признаёт, что ситуация в Абхазии выходит за рамки внутренней компетенции Республики Грузия и носит межгосударственный характер, так как, «согласно п.7 ст.2 Устава ООН, Совет Безопасности дела, входящие во внутреннюю компетенцию любого государства и внутренние конфликты не рассматривает».

У государства сейчас нет права на войну. Никакие поводы и причины не могут оправдать военные действия государства. Правомерное применение вооружённой силы и ведение войны оправданно только против колониального господства, иностранной оккупации, расистских режимов, осуществление нацией права на самоопределение – любые национально-освободительные войны. Данная норма закреплена в Дополнительном протоколе 1977 г. Следовательно, вооружённый конфликт в Абхазии носит международный характер и расценивается как ведение войны, что в соответствии с п. 1 ст. 6 Устава Нюрнбергского трибунала является международным преступлением.

Грузинские войска использовали запрещённые средства и методы ведения войны, жестокое обращение с военнопленными, мирным населением, захват общественной, частной собственности, – данные преступления квалифицируются как военные в Римском Статуте Международного уголовного суда (I июля 2002 г.).

Интересен тот факт, что Абхазия после распада СССР не объявила свою независимость, на что имела законное право, а предложила «проект договора, согласно которому Грузия стала бы федеративным государством, частью которого была бы Абхазская Республика». Парламент Абхазии в обращении к Госсовету Грузии от 12 августа 1992 года заявил о «своем желании сохранить связи с Грузией». «Мы, депутаты Верховного Совета Республики Абхазия, заявляем, что свою часть пути в направлении возрождения отношений между абхазским и грузинским народами пройдем без оглядки. При этом надеемся, что протянутая наша рука не повиснет в воздухе» [16, с.22].

Свержение первого Президента Грузии З. Гамсахурдиа и приход к власти Госсовета во главе с Э. Шеварднадзе раскололи грузинское общество по политическому признаку. В этих условиях новые Грузинские власти сочли, что единственным способом объединения грузинского народа может стать маленькая победоносная война. Уверенности в собственных силах придавало большое количество вооружений, полученных Госсоветом по Ташкентскому соглашению. Именно поэтому власти Грузии проигнорировали предложение Верховного Совета Абхазии о восстановлении отношений на новой равноправной федеративной основе.

По Ташкентскому Соглашению от 15 мая 1992 года Грузия получила 12 ударных вертолетов, более 350 единиц бронетанковой техники, более 3000 единиц автомобильной техники, 15 комплектов наземной техники и оборудования ПВО, более 400 орудий полевой артиллерии, 49 минометов, более 47 тысяч единиц стрелкового оружия и средств ближнего боя, более 230 вагонов боеприпасов. Здесь

есть два нарушения: 1. Оружие могло быть передано только членам СНГ. К моменту получения оружия Грузия не была участницей СНГ. Произошла неправомерная передача оружия. 2. Данное вооружение, по Ташкентскому Соглашению, не могло использоваться в военных целях [15, с.3].

14 августа 1992 г. Грузия начала вооруженную агрессию против Абхазии. Войска Грузии под предлогом обеспечения безопасности железнодорожного сообщения, а также освобождения заложников, якобы удерживаемых «звиадистами» (сторонниками З.К. Гамсахурдия – Президента Грузии, свергнутого в декабре 1991 г.) в Галском районе, вторглись на территорию Абхазии и начали стремительно продвигаться к столице республики Сухуму. В соответствии с планом военной операции под кодовым названием «Меч», войска должны были проследовать ночью по железной дороге и высадить свои подразделения во всех узловых пунктах, установив к утру контроль над всей территорией Абхазии. Это было началом войны, открытой агрессии со стороны Грузии [15, с.4].

Из резолюции III Генеральной Ассамблеи ОНН, принятой в Нидерландах, Гааге 24 января 1993 года «По положению в республике Абхазия»: «Ввод грузинских войск на территорию Республики Абхазия привёл к многочисленным жертвам среди мирного населения... Акты насилия над мирным населением, преследование людей по национальному признаку и политическим убеждениям со стороны грузинских войск приняли массовый характер. Грузинскими войсками используется оружие массового поражения, запрещённое международными соглашениями... Ассамблея выражает обеспокоенность, что решение проблем национальных отношений посредством насилия становится нормой для руководства Грузии, о чём свидетельствуют военные действия в Абхазии, Южной Осетии, так и внутри самой Грузии. Ассамблея вынуждена констатировать, что политика руководства Грузии направлена на подавление прав и свобод соседних народов и «призывает» к строгому соблюдению «права народа на самоопределение» [17].

Абхазы и грузины – неродственные народы. Они имеют разное генетическое происхождение, их языки принадлежат к разным лингвистическим семьям, у них сложились разные обычаи, традиции, материальная и духовная культура, национальный менталитет. Ближайшие этнокультурные и языковые сородичи абхазов, автохтонного коренного населения Кавказа, проживают на Северном Кавказе. Это – абазины, адыгейцы, кабардинцы и другие горские народы [1, с.53].

Необходимо отметить, что краткий обзор историко-правовых взаимоотношений Абхазии и Грузии, свидетельствуют об абсурдности тезиса «нарушение территориальной целостности» несуществующей Грузинской ССР. Между тем руководство Республики Грузия с помощью именно этого тезиса пыталась оправдать в глазах всего мира свою варварскую акцию в Абхазии, проводя политику неприкрытого государственного терроризма.

В этих условиях оказать существенное влияние на развитие событий в Абхазии не удалось и другим государствам.

Л. М. Карапетян считает, что «согласно международным нормам вопрос о самоопределении конкретного народа решается именно им и другими смешанно проживающими на этой территории народами, а не по согласованию со всеми остальными гражданами данного государства» [9, с.273].

«Признание права на самоопределение вплоть до отделения создает новое качество государства как добровольного союза» [10], – считает профессор международного права и сравнительного правоведения Сойли Нистен-Хаарала.

Право на отделение, как реализация права народов на самоопределение, допустимо, с нашей точки зрения, в крайнем случае: когда стремление к независимости глубоко и прочно; когда совместное пребывание в одном государстве не может быть приемлемым обеими сторонами в силу исторических событий и реалий настоящего времени.

Состоявшаяся 3 сентября 1992 г. в Москве встреча Президента России Б.Н. Ельцина, Председателя Госсовета Грузии Э.А. Шеварднадзе и Председателя Верховного Совета Абхазии В.Г. Ардзинба, а также руководителей северокавказских республик, краев и областей Российской Федерации завершилась подписанием Итогового документа, которым не предусматривалось главное условие достижения

мира – вывод грузинских войск из Абхазии. Хотя в Заявлении Президиума Верховного Совета Российской Федерации от 7 сентября 1992 г. №9 3445-1 «В связи с итогами Московской встречи 3 сентября 1992 года» прямо указывалось, что «дальнейшей стабилизации обстановки в зоне конфликта должен послужить вывод из Абхазии вооруженных сил Республики Грузия, а также разоружение, расформирование и вывод с ее территории вооруженных добровольческих формирований и отдельных вооруженных лиц, прибывших из иных регионов» [13, с.134]. В этом же Заявлении для характеристики начавшихся событий были использованы понятия «агрессия» и «война».

Позиция России в этой ситуации носила противоречивый характер. Сохраняя политические и экономические отношения с Грузией и реализуя все договоренности, достигнутые ранее, она продолжала передачу Грузии военной техники, предоставляла кредиты, поставляла нефтепродукты и продукты. Такие действия получили оценку в Постановлении Совета Национальностей Верховного Совета Российской Федерации от 30 апреля 1993 г. № 4913-1, в котором прямо указывалось, что не выполняются рекомендации Верховного Совета Российской Федерации Правительству Российской Федерации приостановить до урегулирования конфликта в Абхазии передачу Республике Грузия вооружений, прекратить поставки боевой техники и боеприпасов по ранее заключенным контрактам, воздержаться от заключения с ней экономических соглашений.

Следует отметить, что по отношению к начавшейся войне в России фактически сформировались две официальные позиции. Одна из них, связанная в основном с поддержкой руководства Грузии, осуществлялась Президентом Российской Федерации и ее Правительством. Вторая, во многом противоположная позиция, отражавшая нарастающий раскол в России между законодательной и исполнительной властью, проводилась ее парламентом. С решительным осуждением политики Грузии выступил Верховный Совет России, который в своем Заявлении от 25 сентября 1992 г. №9 3541-1 «В связи с событиями в Абхазии»[14, с.152] осудил действия руководство Грузии, предпринявшего попытку путем насилия решить сложные проблемы межнациональных отношений, и потребовал немедленного прекращения вооруженных действий, вывода воинских формирований с территории Абхазии, неукоснительного выполнения международных пактов по правам человека.

Верховный Совет Российской Федерации, подтвердив свою твердую приверженность политическим методам решения межгосударственных и межнациональных проблем, отметил, что с удовлетворением воспринимает выраженное в Обращении Верховного Совета Республики Абхазия к Верховному Совету Российской Федерации от 23 марта 1993 г. желание народов Абхазии войти в состав или под покровительство Российской Федерации. Президенту Российской Федерации и Правительству Российской Федерации было рекомендовано в соответствии с нормами международного права, прежде всего уважая права человека и права народов на самоопределение, активизировать переговоры с руководством Республики Грузия по этому вопросу для нормализации обстановки в Абхазии [4, с.64].

В этот самый трудный для Абхазии период войны помощь ее народу оказала Группировка российских войск в Абхазии, которая не подчинялась командованию Закавказского военного округа, а также лидеры многих субъектов Российской Федерации. Во многих субъектах Российской Федерации были созданы официальные представительства Республики Абхазия: первоначально – в республиках Северного Кавказа, затем – в Татарстане и Башкортостане [3, с.147].

На помощь Абхазии пришли народы Кавказа. Организующим центром добровольческого движения в защиту Абхазии стала Конфедерация народов Кавказа. В Кабардино-Балкарии и Чечне, Адыгее и Карачаево-Черкесии, Северной и Южной Осетии прошли организованные Конфедерацией многолюдные митинги, были созданы штабы по записи добровольцев. В числе добровольцев были казаки и потомки кавказских махаджиров из Турции и других стран Ближнего Востока. Поддержку Абхазии оказали и зарубежные страны. Новым экономическим партнером республики выступила Турция, из которой в Абхазию поставлялись продовольствие и топливо [14, с.199].

В январе 1993 г. в Гааге (Голландия) на Генеральной Ассамблеи Организации непри-

знанных народов была принята резолюция по Абхазии, которая резко осудила позицию Грузии в этой войне. 26 января 1993 г. в Тирасполе Верховный Совет Приднестровской Молдавской Республики ратифицировал договор о дружбе и сотрудничестве с Республикой Абхазия. Такой же договор был заключен с Гагаузской Республикой. 7-8 октября 1992 г., в историческом центре Абхазии – селе Лыхны – состоялся I Всемирный конгресс абхазо-абазинского (абаза) народа, проведение которого планировалось еще до агрессии Грузии против Абхазии. На съезд приехали представители абхазо-абазинских диаспор Турции, Германии, Франции, Голландии, стран Ближнего Востока, Америки, СНГ, доказав решимость отстоять независимость своей исторической родины [14, с.216].

В начале октября 1992 г. силы абхазского народного ополчения перейдя в наступление на гагрско-бзыбском направлении, освободили от грузинских вооруженных формирований город Гагру. 6 октября 1992 г. на границе с Россией у реки Псоу был поднят флаг Республики Абхазия. 11 октября 1992 г. постановлением Президиума Верховного Совета Рес-публики Абхазия было образовано Министерство обороны Абхазии, ко-торому было поручено в недельный срок сформировать на базе народного ополчения Вооруженные Силы Республики Абхазия. При Министерстве обороны Республики Абхазия был создан Генеральный штаб.

В условиях продолжавшейся войны, формируя военные структуры, руководство Абхазии продолжало предпринимать и политические дейст-вия. 23 марта 1993 г. был создан Государственный комитет Республики Абхазия по делам репатриации граждан, принято Постановление «О по-рядке приема в гражданство Республики Абхазия отдельных категорий граждан иностранных государств», которым обеспечивались упрощенные процедуры для возвращения на историческую родину потомков абхазских махаджиров XIX в. Одновременно было принято Обращение к Президенту и Верховному Совету Российской Федерации с просьбой в соответствующей международно-правовой форме вернуть Абхазию в со-став России либо взять ее под свое покровительство.

Успешные военные действия народного ополчения Абхазии, их под-держка со стороны других народов обусловили определенную коррекцию позиции Грузии, прежде всего, ее законодательного органа. Парламент Грузии принял 22 апреля 1993 г. обращение к абхазскому народу. Через день, 24 апреля, Верховный Совет Республики Абхазия сделал заявление, в котором, в частности, было сказано, что он приветствует это обращение, ибо «впервые за восемь месяцев парламент Грузии, наконец, призвал не «всеобщей мобилизации, а к прекращению войны». Верховный Совет Республики Абхазия выразил согласие обсудить вывод войск из Абхазии, если парламент Грузии действительно отказался от силового решения проблемы взаимоотношений Абхазии и Грузии и готов вывести войска с территории Абхазии.

14 мая 1993 г. руководством России и Грузии было заключено очередное соглашение о прекращении огня в Абхазии. И хотя такое соглашение было подписано без участия Абхазии, Главнокомандующий Вооруженными Силами Республики Абхазия В.Г. Ардзинба, демонстрируя добрую волю издал приказ о прекращении боевых действий в означенное время. 27 июля 1993 г. в г. Сочи было подписано Соглашение о прекращении огня в Абхазии и механизме контроля за его соблюдением. В соответствии с ним предусматривалось до 5 августа 1993 г. сформировать объединенную комиссию по урегулированию конфликта в Абхазии с участием представителей и наблюдателей от ООН, ОБСЕ, а также приглашением и использованием в зоне конфликта международных наблюдателей и миротворческих сил. В течение 10-15 дней со дня прекращения огня с территории Абхазии должны были быть выведены вооруженные формирования республики Грузия, а вооруженные формирования абхазской стороны - переведены на казарменное положение. Стороны должны были создать условия для возобновления нормальной деятельности законных органов власти в Абхазии [18, с. 11].

Трехсторонний пресс-центр Объединенной комиссии по урегулированию в Абхазии неоднократно констатировал, что если Абхазия план и график разъединения и вывода войск из зоны конфликта выполняет неукоснительно, то Грузия постоянно его срывает. Более того, положения Соглашения о возобновлении дея-

тельности законных органов власти в столице Абхазии было подвергнуто грузинской стороной односторонней ревизии.

В этих условиях Верховный Совет Республики Абхазия в своем Обращении к Объединенной комиссии по урегулированию в Абхазии от 11 сентября 1993 г. заявил, что дальнейшее участие абхазской части в ее работе возможно лишь при условии получения гарантий выполнения грузинской стороной всех решений комиссии. Не получив их, Абхазия возобновила боевые действия.

Возобновление военных действии со стороны Абхазии позволило к вечеру 25 сентября 1993 г. освободить важнейшие районы столицы. Командование Вооруженными силами Республики Абхазии во избежание бессмысленного кровопролития обратилось к командованию грузинских войск с предложением покинуть город. Предложение не было принято. 27 сентября 1993 г. столица Абхазии была освобождена полностью. 30 сентября 1993 г. Вооруженные Силы Абхазии совместно с отрядами Конфедерации горских народов Кавказа и добровольцами из других стран вышли на границу Абхазии и Грузии по реке Ингур. 1 декабря 1993 г. во время начавшихся в Женеве мирных переговоров между представителями Абхазии и Грузии был подписан Меморандум о понимании [2, с.227].

В связи с вышеизложенным, становится очевидной несостоя-тельность претензий и ссылок Грузии на общепризнанные принципы территориальной целостности государства (Грузии), неприкосновенности границ, так как на протяжении всего времени Грузия и Абхазия имели определенные, зафиксированные тем или иным образом свои территории и границы.

Признание права на самоопределение вплоть до отделения создает новое «качество» государства как добровольного союза. В этом заключается ценность данного права. Политические кризисы, разрушение функционирования государства, сохранение в пределах государства недовольной нации могут быть значительно более разрушительными, чем предоставление отдельной нации (народу) возможности реализовать право на самоопределение. Государство, основанное на насилии и недовольстве входящих в него народов, не имеет будущего, его гибель и распад неизбежны.

После распада СССР впервые за многие годы появилась возможность на основе норм международного права осуществить национально-государственное самоопределение всех народов бывшего Союза ССР [6, с.97].

Многие народы, приняв соответствующие Декларации и решения о своем суверенитете и независимости, выбрали этот цивилизованный путь самостоятельной государственности, соответствующий требованиям международного права [10, с.27]. Этот путь избрали себе Абхазия и ее народ.

Как было отмечено выше, Грузинские войска были изгнаны из Абхазии 30 сентября 1993 г. Абхазия выстояла и победила, но вышла из войны, понеся в ней тяжелые потери. За свободу и независимость своей родины сложили свои головы две тысячи сынов и дочерей Абхазии. Экономика была разрушена.

Однако, несмотря на все это, Абхазия в тяжелейших условиях послевоенного времени и, мягко говоря, в атмосфере недоброжелательного окружения, приступила к закреплению итогов войны – строительству независимого государства.

В этот тяжелый период для Абхазии абхазский народ показал свою решимость отстоять независимость Абхазии и свое право на достойную жизнь. Трудно переоценить выдающуюся историческую роль и мужество Председателя Верховного Совета Абхазии Владислава Григорьевича Ардзинба, который призвал народ Абхазии к сопротивлению и возглавил эту справедливую борьбу. Если бы не было консолидации народа и руководства, то нет никакого сомнения, в том, что абхазский народ был бы уничтожен. Безусловно, готовность абхазского народа и руководства бороться за свои неотъемлемые права явилась решающим фактором в достижении независимости Республики Абхазия.

Профессор СВ. Черниченко [15, с.16], считает, что право на самоопределение предполагает право на отделение в четырех случаях.

1. Когда народы находятся в колониальной зависимости, то есть речь идет об определенных территориях в Азии, Африке и Латинской Америке, которые когда-то были завоеваны государствами Европы. Генеральная Ассамблея ООН утвердила список территорий, под-

лежащих деколонизации, то есть попадающих под понятие колониальных народов. Вопрос о том какие народы были колониями, а какие нет, в ООН не получил однозначного ответа. «Некоторые страны на своей собственной территории имеют целые области с четко обозначенными границами, с гомогенным по составу населением, которое не совпадает по этническому, языковому и культурному признакам с остальным населением данной страны. Это население лишено избирательных прав, не принимает участие в политической жизни и не имеет ни каких прав на самоуправление или самоопределение ни в каком смысле этого слова». Положение внутри таких государств может быть сопоставимо с положением в колониально зависимых странах. Большинство коренных народов подверглись колонизации, и их положение в прошлом есть результат того самого колониализма, средством избавления от которого и служит право на самоопределение.

Принцип восстановления исторических прав здесь, по мнению С. В. Черниченко, также должен учитываться – на этом основании Великобритания вернула Китаю – Гонконг, а Португалии – Макао.

2. Когда территория, на которой проживал какой-то народ, подверглась фактической аннексии после 1945 года, то есть после принятия Устава ООН и утверждения в международном праве принципа равноправия и самоопределения народов. В экспертном заключении Института государства и права РАН «О государственно-правовых отношениях между Грузией и Абхазией в настоящее время» говорится: «с точки зрения законодательства Грузии, принятого в 1989 -1991 гг. и получившего развитие в позднейших актах, Абхазия не может рассматриваться в качестве субъекта определенных правоотношений в составе Грузии, и государственно-правовые отношения между Абхазией и Грузией прекратились» [18, с.79]. Следовательно, развязывание Грузией 14 августа 1992 года войны против Абхазии с юридической точки зрения необходимо рассматривать как акт агрессии против суверенного государства с целью ее последующей аннексии. Думается, что аналогичная ситуация была у Ирака с Кувейтом и мировое сообщество приняло все необходимые меры против государства агрессора.

3. Когда Конституция какого-либо государства предусматривает возможность выхода территории, населенной определенным народом, из состава государства. И Грузия, и Абхазия вышла из состава СССР на основании одного и того же Закона СССР от 3 апреля 1993 г. «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР». Закон разрешал выход из состава СССР союзным и автономным республикам. В соответствии со ст. 3 Закона СССР от 3 апреля 1990 года Абхазия приняла решение о проведении референдума и самостоятельно решила вопрос о своем государственном статусе. Легитимность референдума и данные по его проведению были подтверждены Центральной комиссией референдума СССР.

4. Если какое-либо государство не соблюдает в отношении живущих на его территории народов принцип равноправия и самоопределения народов и не обеспечивает без дискриминации представительство всех слоев населения в органах власти, то такой народ может ставить вопрос об отделении, а также о создании собственного государства, выхода из государства или о воссоединении с другим государством.

Все четыре упомянутых случая не взаимосвязаны друг с другом и любого из них достаточно для признания за народом права на самоопределение. Это мнение С. В. Черниченко, который в течение 10 лет был экспертом ООН по правам человека, и профессор А. Эйда (Норвегия), работника Подкомиссии ООН по поощрению защиты прав человека. Эта точка зрения получила единодушное одобрение, и, по мнению С. В. Черниченко, «ни разу в ООН этих выводов никто не оспаривал» [16].

Для Абхазии, ведущей национально-освободительную войну и реализующей право на самоопределение, война является справедливой и правомерной. Независимо от характера войны соблюдение законов и обычаев войны, закреплённых в международном гуманитарном праве, является обязательным для воюющих сторон. Грузией были нарушены все четыре Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 г. [12]: использовались запрещённые средства и методы ведения войны, бессмысленно разрушались и грабились города

и населённые пункты, уничтожались культурные ценности, жестокое обращение с военнопленными и ранеными. Из оккупированных территорий насильственно были депортированы 12 тысяч греков и практически все евреи. После войны многие из них вернулись на Родину.

В настоящее время, несмотря на то, что независимость Абхазии пока не получила широкого признания, международное сообщество не может не считаться с тем, что Республика Абхазии состоялась как государство. От положения в Абхазии зависит стабильность во всем кавказском регионе, этим и объясняется пристальное внимание к Абхазии международных организаций и великих государств, чьи интересы задействованы в регионе.

Несмотря на непростые политические и экономические условия абхазский народ не отказался от построения независимого государства, что отчетливо проявилось в ходе референдума 3 октября 1999 г., по результатам которого 12 октября был принят Акт о государственной независимости Абхазии. Эта воля народа служит основой позиции руководства Абхазии на переговорах, именно поэтому они не намерены обсуждать проекта, предусматривающие включение Абхазии в состав Грузии.

26 ноября 1994 г., несмотря на противодействие, была принята Конституция Республики Абхазия. В тот же день, согласно новому Основному Закону, Верховный Совет избрал В. Ардзинба первым Президентом Республики Абхазия, инаугурация которого состоялась 6 декабря [17, с.26]. Принятие Конституции подтвердило неизменность курса на независимость и продемонстрировало решимость добиваться признания права абхазского народа на самоопределение.

На наш взгляд, Республика Абхазия имеет хорошие перспективы в достижении тех справедливых целей, к которым так долго стремился абхазский народ.

Список литературы:

[1] Авидзба А. Ф. Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992-1993 гг.) Книга I. Сухум, 2013.

[2] Авидзба А.Ф. О некоторых вопросах становления и укрепления абхазской государственности (1993-2010 гг.). Абхазоведение. Археология. История. Этнология. Выпуск VII. Сухум, 2012.

[3] Авидзба А.Ю. О политической стратегии международного сообщества на начальном этапе грузино-абхазской войны (1992-1993 гг.). Абхазоведение. Археология. История. Этнология. Выпуск VII. Сухум, 2012.

[4] Авидзба А.Ю. Становление независимого абхазского государства и Российская Федерация (1993-2008 гг.). Учёные записки Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института Востоковедения РАН. Т. 1. Абхазия. М.: ИВ РАН, 2013.

[5] Аджинджал Е.К. Из истории абхазской государственности. - Сухум, 1996.

[6] Ачугба Т.А. Этнополитическая ситуация в предвоенной Абхазии (конец 80-х - начало 90-х гг. XX века) Кавказоведение: опыт исследований. Материалы международной научной конференции. Владикавказ, 2005 г.

[7] Ачугба Т.А. К обоснованию государственной независимости Абхазии / Т.А. Ачугба. - Сухум, 2002.

[8] Грузины и абхазы. Путь к примирению/общ. ред. Б. Коппитерс, Г. Нодия, Ю. Анчабадзе. - М., 1998.

[9] Карапетян Л. М. Федеративное устройство Российского государства. - М., 2001.

[10] Кецба В.В. Международно-правовое признание суверенных государств. Курс лекций. Москва, 2012.

[11] Нодия Г.А. Политическая смута и экстерриториальные конфликты в Грузии // Спорные границы на Кавказе. - М, 1996.

[12] Основные положения Женевских конвенций и дополнительных протоколов к ним. - М., 1996.

[13] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны народа Абхазии (1992-1993 гг.). В

документах / под ред. В. Г. Ардзинба. Сухум, 2004.

[14] Ходжава Р.В. Хроники Отечественной войны народа Абхазии в воспоминаниях: книга в 2-х т.- Сухум.: Изд-во «Алашарбага», 2013.

[15] Черниченко С. В. Принцип самоопределения народов (современная интерпретация) // Московский журнал международного права. - 1996. - №4.

[16] Шамба С. М. К вопросу о правовом, историческом и моральном обосновании права Абхазии на независимость//Национальные интересы. - М., 2000. - №1.

[17] Шамба С.М. Переговорный процесс: надежды и разочарования. Абхазия – Грузия. Препятствия на пути к миру. - Кн. 2. - Сухум, 2000.

[18] Шамба Т. М. Национальная политика и национально - государственное устройство Российской Федерации. - М., 2000.

References:

[1] Avidzba A. F. Problems of the Military-Political History of the Patriotic War in Abkhazia (1992-1993). Book I. Sukhum, 2013.

[2] Avidzba A. F. On Some Issues of the Formation and Strengthening of Abkhaz Statehood (1993-2010). Abkhaz Studies. Archaeology. History. Ethnology. Part VII. Sukhum, 2012.

[3] Avidzba A. Yu. On the Political Strategy of the International Community at the Initial Stage of the Georgian-Abkhaz War (1992-1993). Abkhaz Studies. Archaeology. History. Ethnology. Part VII. Sukhum, 2012.

[4] Avidzba A. Yu. Formation of the Independent Abkhaz State and the Russian Federation (1993-2008). Scientific Notes of the Center for the Study of Central Asia, the Caucasus, and the Ural-Volga Region, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. Vol. 1. Abkhazia. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 2013.

[5] Adzhinjal, E.K. From the History of Abkhaz Statehood. Sukhum, 1996.

[6] Achugba, T.A. Ethnopolitical Situation in Pre-War Abkhazia (Late 1980s – Early 1990s) Caucasian Studies: Research Experience. Proceedings of the International Scientific Conference. Vladikavkaz, 2005.

[7] Achugba, T.A. Toward a Justification of the State Independence of Abkhazia / T.A. Achugba. Sukhum, 2002.

[8] Georgians and Abkhazians. The Path to Reconciliation / general editors B. Koppieters, G. Nodia, Yu. - M., 1998.

[9] Karapetyan L. M. Federal structure of the Russian state. - M., 2001.

[10] Ketsba V. V. International legal recognition of sovereign states. Lecture course. Moscow, 2012.

[11] Nodia G. A. Political turmoil and extraterritorial conflicts in Georgia // Disputed borders in the Caucasus. - M., 1996.

[12] Basic provisions of the Geneva Conventions and additional protocols thereto. - M., 1996.

[13] Those harsh days. Chronicle of the Patriotic War of the people of Abkhazia (1992-1993). In documents / edited by V. G. Ardzinba. Sukhum, 2004.

[14] Khodjava R. V. Chronicles of the Patriotic War of the People of Abkhazia in Memories: a book in 2 volumes. - Sukhum.: Alasharbaga Publishing House, 2013.

[15] Chernichenko S. V. The Principle of Self-Determination of Peoples (Modern Interpretation) // Moscow Journal of International Law. - 1996. - No. 4.

[16] Shamba S. M. On the Issue of the Legal, Historical and Moral Justification of Abkhazia's Right to Independence // National Interests. - Moscow, 2000. - No. 1.

[17] Shamba S. M. The Negotiation Process: Hopes and Disappointments. Abkhazia - Georgia. Obstacles to Peace. - Book 2. - Sukhum, 2000.

[18] Shamba T. M. National Policy and the National and State Structure of the Russian Federation. - Moscow, 2000.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.06.2026 г. DOI: 10.24412/3034-4395-2026-3-154-160
Дата принятия рукописи в печать: 17.08.2026

ЗАГАЙНОВ Антон Константинович,
студент, Институт истории, права и общественных наук,
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»,
Липецк, Россия,
e-mail: a17903319@gmail.com

МАРКОВ Роман Станиславович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин,
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»,
Липецк, Россия,
ORCID: 0000-0002-7257-6901,
e-mail: rsm-94@yandex.ru

ПРАВОВАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ МОНАРХИИ В РЕФОРМАТОРСКОМ ПРОЕКТЕ С.Е. ДЕСНИЦКОГО

Аннотация. *В статье рассматривается реформаторский проект С.Е. Десницкого как одна из первых в истории отечественной правовой мысли попыток юридического осмысления преобразования российской монархии. Обосновывается, что предложенная С.Е. Десницким модель разграничения законодательной, судительной, наказательной и гражданской власти была направлена на правовое упорядочение самодержавия. Особое внимание уделяется идее монарха как верховного арбитра в системе разграничения властей и ее значению для дальнейшего развития отечественной конституционной традиции.*

Ключевые слова: *Десницкий, история правовых учений, русское Просвещение, разделение властей, самодержавие, Сенат, судительная власть, наказательная власть.*

ZAGAINOV Anton Konstantinovich,
student of the Institute of History, Law and Social Sciences,
Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University,
Lipetsk, Russia

MARKOV Roman Stanislavovich,
PhD in Law, Associate Professor of Department of State and Legal Disciplines,
Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University,
Lipetsk, Russia

LEGAL MODERNIZATION OF THE RUSSIAN MONARCHY IN THE REFORMIST PROJECT OF SEMYON DESNITSKY

Annotation. *The article examines Semyon Desnitsky's reform project as one of the earliest attempts in the history of Russian legal thought to provide a juridical understanding of the transformation of the Russian monarchy. It is argued that Semyon Desnitsky's proposed model of distinguishing legislative, judicial, punitive, and civil authority was aimed not at rejecting autocracy, but at giving it a legally ordered form. Particular attention is paid to the idea of the monarch as the supreme arbiter within the system of differentiated powers and to the significance of this idea for the*

subsequent development of the Russian constitutional tradition.

Key words: *Desnitsky, history of legal doctrines, Russian Enlightenment, separation of powers, autocracy, Senate, judicial power, punitive power.*

Введение

История отечественных правовых учений XVIII в. показывает, что российская юридическая мысль формировалась как восприятие европейских политико-правовых идей и одновременно как поиск собственных способов преобразования государства. В этом отношении творчество С.Е. Десницкого занимает особое место: в его трудах была предпринята попытка представить российскую монархию как государство, нуждающееся в правовом устройстве властей, судебной защите, упорядоченном принуждении и развитом законоведении.

Актуальность темы определяется тем, что в проекте С.Е. Десницкого впервые в русской юридической мысли была обозначена проблема соединения самодержавной власти с принципом разделения властей. Цель статьи состоит в историко-правовом анализе этого проекта и определении его места в развитии отечественной правовой мысли. Для достижения указанной цели раскрываются идейные предпосылки учения С.Е. Десницкого, содержание проекта законодательной, судительной, наказательной и гражданской власти, а также своеобразие модели монарха как верховного арбитра.

Правовые взгляды С.Е. Десницкого в контексте русского Просвещения

Правовед С.Е. Десницкий принадлежал к числу представителей русского Просвещения, стремившихся соединить европейскую правовую образованность с задачами преобразования российского государства. Обучение в Глазго, знакомство с английской и шотландской интеллектуальной традицией, восприятие идей естественного права, историко-сравнительного анализа и политической экономии повлияли на характер его рассуждений. Вместе с тем его программа не сводилась к заимствованию западных образцов: в современной литературе со ссылкой на Н.М. Коркунова подчеркивается, что речи С.Е. Десницкого не были простым пересказом услышанного в Глазговском университете, а выражали самостоятельную переработку полученных знаний [1, с. 181].

Творчество С.Е. Десницкого сформировалось в условиях, когда российское законодательство нуждалось в систематизации, а юридическое образование только приобретало отечественную научную форму. Уложенная комиссия 1767 г. открыла возможность для обсуждения вопросов кодификации, правосудия, наказаний, собственности и публичного управления. Именно в этом контексте было подготовлено «Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской Империи». Начальная формула сочинения имела принципиальное значение: «законы делать, судить по законам и производить суд во исполнение» С.Е. Десницкий рассматривал как три должности, образующие законодательную, судительную и наказательную власть [2, с. 101].

Государственно-правовые взгляды С.Е. Десницкого нельзя свести к одному политическому постулату. В исследовании К.А. Соловьева они рассматриваются как концепция управления, в которой цель власти связывалась с внесением организационного начала в естественно складывающиеся отношения, прежде всего отношения собственности [3, с. 116–117]. Такой подход позволяет увидеть внутреннюю связь между рассуждениями С.Е. Десницкого о государстве, собственности, финансах, полиции, суде и юридическом образовании. Его реформизм имел комплексный характер: преобразование власти предполагало развитие правовой науки, судебной практики, публичного контроля и хозяйственного благоустройства.

С.Е. Десницкий мыслил в пределах монархического государственного порядка, признавал верховенство монарха, не предлагал народного суверенитета и исходил из сословной организации общества. При этом внутри данных пределов он пытался юридически ограничить произвол, установить порядок действия властей и поставить государственное принуждение в зависимость от суда и закона. Поэтому его учение следует рассматривать

как раннюю модель правового упорядочения самодержавной монархии.

Законодательная власть и преобразование Сената

Центральное место в реформаторской программе С.Е. Десницкого занимает вопрос о законодательной власти. Он исходил из того, что в Российской империи эта власть в полном значении принадлежит монарху. Однако такое признание не означало сохранения прежнего порядка управления: С.Е. Десницкий предлагал преобразовать Правительствующий Сенат в орган, который участвовал бы в законодательной деятельности, рассматривал государственные пошлины, вопросы войны и мира, надзирал за расходованием казны и являлся высшей апелляционной инстанцией.

Сенат у С.Е. Десницкого не становился парламентом в современном понимании и не мог издавать законы без монаршего утверждения. Вместе с тем он должен был выражать интересы различных частей империи, сословий, корпораций, городов, духовенства и училищ. Поэтому С.Е. Десницкий предлагал многочисленный состав Сената, включающий от шестисот до восьмисот лиц, избираемых из землевладельцев, купцов, ремесленных людей, духовных и учебных мест [2, с. 102–103]. В связи с этим А.А. Егоров обоснованно рассматривает данный проект как первую доктринальную попытку сформулировать концепцию реформирования государственного аппарата Российской империи [4, с. 98].

Система отбора сенаторов основывалась на имущественном цензе, личном содержании сенаторов без жалованья, срочности полномочий и недопущении чрезмерно длительного пребывания одного лица в сенаторском звании. В этих тезисах выразилось характерное для XVIII в. представление о связи собственности, общественной пользы и способности к участию в управлении. Автор не ставил вопрос о политическом равенстве всех жителей империи, но стремился расширить участие общественных сил в законодательной деятельности по сравнению с чисто бюрократическим управлением.

Важнейшим элементом проекта было правило о большинстве голосов в Сенате при последующем представлении решения монарху. Это позволяло соединить обсуждение, представительство и окончательное верховное решение. Именно здесь проявляется своеобразный синтез самодержавия и разделения властей: монарх сохранял участие в законодательной деятельности, но вокруг него должна была возникнуть правовая процедура обсуждения. Так, С.Е. Десницкий стремился придать монархической власти юридически организованную форму без ее замены представительным правлением.

Судительная власть и гарантии правосудия

Второй частью проекта выступает судительная власть. В отличие от законодательной власти, сосредоточенной при монархе и Сенате, она должна была быть распределена по территории империи. Обширность государства, удаленность провинций от столицы и слабость местного правосудия делали необходимым создание устойчивой системы судов, действующих по правам, крепостям, свидетельствам, справедливости и истине.

Для С.Е. Десницкого правовая реформа означала не принятие одного нового закона (к чему в первую очередь стремились российские монархи), а изменение самого порядка осуществления правосудия. Он предлагал назначение образованных судей, требовал знания ими нравоучительной философии, натуральной юриспруденции, римского и отечественного права, а также практики адвокатской деятельности [2, с. 108–110]. Судья должен был обладать знанием законов и способностью к юридическому рассуждению. Эта мысль связывает качество суда с развитием университетского образования и профессиональной юридической подготовки.

Важными элементами судебной реформы являлись независимость судей, достойное жалованье, пожизненное пребывание в должности и невозможность произвольного устранения за строгое правосудие. Одновременно судебная власть не выводилась из-под ответственности: в случае явного нарушения закона допускалось обращение в Сенат, где виновный судья мог подвергнуться монаршему взысканию. Таким образом, независимость суда сочеталась с его юридической ответственностью.

Отдельного внимания заслуживает идея

публичности судопроизводства и участия посторонних лиц в исследовании дела. По английскому примеру С.Е. Десницкий предлагал выбирать пятнадцать человек для содействия судьям при рассмотрении уголовных и тяжебных дел. Эти лица должны были наблюдать за исследованием дела и высказываться о виновности или невиновности. Такая конструкция не совпадала полностью с позднейшим судом присяжных, но предвосхищала гласность, участие общества и контроль за судебным решением.

По справедливому замечанию П.С. Грацианского, С.Е. Десницкий говорил не столько о разделении властей в строгом западноевропейском смысле, сколько об обособлении органов, осуществляющих законодательные, судебные и некоторые административные функции [5, с. 73]. Эта оценка позволяет избежать модернизации взглядов мыслителя XVIII в., поскольку С.Е. Десницкий не создавал завершенной теории правового государства, но предложил юридический способ ограничения произвола: выделение суда в самостоятельную власть, установление правил его действия и подчинение государственного принуждения судебному решению.

Наказательная и гражданская власть

Третьей властью в проекте С.Е. Десницкого является наказательная власть. Ее не следует понимать только как уголовно-карательную систему в современном смысле. Она охватывала исполнение судебных решений, содержание осужденных, поддержание общественного порядка, задержание преступников, управление тюрьмами, пожарную безопасность и отдельные фискальные функции. По сути, речь шла о сфере административно-полицейского принуждения, которая нуждалась в четких правовых пределах.

С.Е. Десницкий подчеркивал, что наказательная власть является последней и потому должна быть более зависима от высших властей, чем другие. Имеющие наказательную власть не должны предпринимать ничего важного без публичного судебного осуждения [2, с. 114]. Государственное принуждение должно следовать за судом, а не предшествовать ему. В этом проявляется одна из наиболее прогрессивных сторон проекта: С.Е. Десницкий стремился отделить полицейское задержание и исполнение наказания от самостоятельного решения вопроса о виновности.

Наказательная власть поручалась воеводам, назначаемым монархом и зависимым от него. Это решение соответствовало самодержавной логике управления, но одновременно включало гарантии против злоупотреблений: воеводы должны были быть ответственны перед судьями, а жалобы на них подлежали передаче в Сенат. Даже назначенное монархом должностное лицо не должно было оставаться вне правовой оценки своих действий.

Четвертой частью проекта выступает гражданская власть, связанная с городским хозяйством, торговлей, благоустройством, мелкими спорами и местными нуждами. Она должна была принадлежать городским обывателям, главным образом купцам и художественным людям, при участии дворян; в столицах она мыслилась как орган, разделенный на департаменты, а в губернских городах – как более простая форма городского управления [2, с. 117–119].

В этой части проекта снова проявляется связь взглядов С.Е. Десницкого с идеей общественной пользы и хозяйственного развития. Государство не может быть прочным, если оно держится только на принуждении. Ему необходимы развитие городов, упорядочение имущественных отношений, защита от злоупотреблений и устойчивое хозяйственное управление. В исследованиях О.М. Барановой и О.Б. Шульчевой подчеркивается, что С.Е. Десницкий применял историко-сравнительный метод и связывал развитие права с изменением хозяйственного быта, собственности и семьи [6, с. 341].

При этом реформаторский проект С.Е. Десницкого нельзя сводить только к вопросу о разделении властей. Его рассуждения о собственности, финансах, семейных отношениях и юридическом образовании раскрывают более широкое понимание права как основы общественного развития. Собственность была для него условием общественного порядка, труда, ответственности и участия в государственных делах, поэтому именно она выступала основанием имущественных цензов в проекте Сената и гражданской власти. Финансовые рассуждения С.Е. Десницкого

также были связаны с правовым преобразованием государства: в приложении о финансах он рассматривал государственные расходы и доходы, подати, сборы, управление казной и необходимость ревизионного надзора [2, с. 122–128]. Значение юридического образования состояло в том, что судья, адвокат и законодательный деятель должны были быть подготовлены научно, а не только административно. Как справедливо подчеркивают Г.В. Цечоев и В.К. Цечоев, С.Е. Десницкий был автором научных трудов и реформаторских предложений, а его наследие требует источниковедческого и историко-правового анализа [7, с. 432–433].

Монарх как верховный арбитр в системе разграничения властей

Наиболее интересным элементом реформаторского проекта С.Е. Десницкого является его представление о роли монарха. В нём разграничение властей и требование не допускать выхода одной власти за пределы другой соединялись с сохранением за монархом верховного положения, окончательного утверждения законов, назначения судей и воевод, права помилования и возможности воздействия на высшие органы. Это сочетание раскрывает своеобразие ранней российской версии учения о разделении властей.

Автор проекта не переносил на российскую почву английскую или французскую модель в готовом виде. Он исходил из того, что российская монархия имеет собственную историческую форму, поэтому разделение властей должно быть приспособлено к самодержавному началу. В этом смысле С.Е. Десницкий одним из первых в отечественной юридической мысли предложил модель главы государства как арбитра над выделяемыми властями. Монарх у него не просто носитель одной из властей – он стоит над Сенатом, судом, наказательной и гражданской властью, обеспечивает их согласование, утверждает решения и сохраняет целость отечества. На самобытность этой конструкции, связанной с возвышением монарха над разграниченными властями, обращает внимание и А.А. Егоров [4, с. 105]. Эта модель не совпадает с позднейшим принципом разделения властей, основанным на самостоятельности законодательной, исполнительной и судебной власти. Однако она важна как начальный опыт синтеза самодержавия и правового разграничения государственных функций. Монарх должен был оставаться самодержцем, но уже не как источник произвольного решения, а как верховный хранитель порядка властей. Он не устранял закон, суд и представительство, а должен был обеспечивать их согласованное действие.

В этом отношении проект С.Е. Десницкого можно рассматривать как один из истоков той линии отечественной государственно-правовой мысли, где на главу государства возлагалась миссия по согласованию и разрешению противоречий властей, элит и социальных групп. В современном конституционно-правовом языке близкая функция описывается через представление о главе государства как символе единства, арбитре и примирителе в деятельности государственных органов [8, с. 7]. Между монархической доктриной XVIII в. и современным институтом главы государства нет прямого тождества, однако сама проблема согласованного функционирования властей имеет глубокие историко-правовые корни.

В дальнейшем эта линия получила развитие у М.М. Сперанского, который также пытался соединить самодержавие с разграничением законодательной, исполнительной и судебной деятельности. Исследователи отмечают, что у него разделение властей должно было усилить законность и ослабить деспотизм, но деятельность соответствующих учреждений соединялась в Государственном совете и через него восходила к престолу [9, с. 29–30]. В этом смысле между С.Е. Десницким и М.М. Сперанским просматривается важная связь: оба стремились ограничить произвол через создание порядка властей вокруг монарха, не отрицая самого монархического принципа.

Отдаленное продолжение данной линии можно обнаружить и в Основных государственных законах 1906 г. После учреждения Государственной думы и преобразования Государственного совета российский император уже действовал в условиях усложненного законодательного порядка. Еще позднее, в Конституции Российской Федерации 1993 г., идея главы государства как лица, обеспечивающего согласованное функционирование и взаи-

модействие органов публичной власти, получила современное конституционно-правовое выражение. Конечно, в данном случае речь идет о принципиально иной политико-правовой системе, но сама идея о главе государства как арбитре, стоящем над ветвями власти, была заложена именно С.Е. Десницким.

Содержательные пределы проекта С.Е. Десницкого определялись реалиями его времени. Он не предусматривал политического равенства, сохранял имущественные цензы, исходил из сословного устройства и не предлагал немедленной отмены крепостного права. Однако эта осторожность не отменяет реформаторского значения проекта: С.Е. Десницкий искал форму модернизации государственно-правовой системы, которая могла быть представлена монарху как средство укрепления империи, не становясь угрозой верховной власти. Его программа выступала против произвола, нестабильности суда и неограниченного административного принуждения, но при этом сохраняла монархическое и сословное основание государственной власти.

Заключение

Реформаторский проект С.Е. Десницкого занимает особое место в истории отечественных правовых учений. Его значение состоит как в раннем обращении к западноевропейской идее разделения властей, так и в попытке приспособить эту концепцию к условиям российской самодержавной монархии XVIII в. Мыслитель предложил правовую модель, в которой законодательная власть связывалась с монархом и Сенатом, судительная власть получала четкую территориальную организацию и профессиональные гарантии, наказательная власть подчинялась суду и закону, а гражданская власть обеспечивала городское благоустройство и местную самоорганизацию подданных.

Внутренний смысл этого проекта заключался в стремлении заменить архаичное произвольное управление юридически оформленным порядком властвования. Автор не отрицал самодержавия, но пытался сделать его правовым, связав верховную власть с представительством, судом, публичностью, ответственностью должностных лиц и развитием отечественного законоведения. Именно поэтому его взгляды могут рассматриваться как один из ранних этапов формирования российской традиции правового ограничения власти.

Особую значимость имеет предложенная им модель монарха как верховного арбитра над властями. Эта идея, возникшая как попытка соединить самодержавие и разделение властей, в дальнейшем получила развитие в отечественной конституционной мысли – от проектов М.М. Сперанского до усложненной монархической системы начала XX в. и современной конструкции главы государства. Между этими этапами нет прямого тождества, однако просматривается общая для российской традиции проблема: как обеспечить единство и эффективность публичной власти, не разрушая механизма сдержек и противовесов.

Реформаторский проект С.Е. Десницкого не был реализован в XVIII в. и не мог быть реализован в полном объеме в условиях крепостнической империи. Однако его научное значение определяется уровнем постановки проблемы: первый русский доктор права одним из первых в России перевел вопрос о преобразовании государства из сферы общих нравоучительных рассуждений в область юридического проектирования. В этом состоит его особое место в истории юридической мысли и в развитии отечественной правовой культуры.

Список литературы:

[1] Стёпкин Е.Ю. Идеи реформирования полиции в работах С.Е. Десницкого // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 3. С. 181–183.

[2] Десницкий С.Е. Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи // Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. Вторая половина XVIII века / под общ. ред. С.А. Покровского. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1959. С. 99–142.

[3] Соловьев К.А. Концепция государственного управления С.Е. Десницкого: опыт рекон-

струкции // Исторический журнал: научные исследования. 2022. № 4. С. 116–129.

[4] Егоров А.А. Проект государственных преобразований в трудах С.Е. Десницкого // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 3. С. 98–105.

[5] Грацианский П.С. Десницкий: из истории политической и правовой мысли. М.: Юридическая литература, 1978. 111 с.

[6] Баранова О.М., Шульчева О.Б. Правоведческие и духовные особенности русского Просвещения в научном наследии С.Е. Десницкого // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2015. № 3. С. 340–342.

[7] Цечоев Г.В., Цечоев В.К. С.Е. Десницкий в русской либеральной правовой мысли и его законодательные предложения в историко-правовой тематике России XVIII столетия эпохи «просвещенного абсолютизма» // Образование и право. 2021. № 9. С. 432–434.

[8] Кутафин О.Е. Глава государства: монография. М.: Проспект, 2013. 558 с.

[9] Гладковская А.О., Иванова Н.М. Идеи М.М. Сперанского о системе разделения властей и современность // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 8. С. 28–31.

References:

[1] Stepkin E. Yu. Ideas for Reforming the Police in the Works of S. Ye. Desnitsky // Gaps in Russian Legislation. 2015. No. 3. pp. 181–183.

[2] Desnitsky S. Ye. The Concept of the Establishment of Legislative, Judicial, and Punitive Powers in the Russian Empire // Legal Works of Progressive Russian Thinkers. Second Half of the 18th Century / edited by S. A. Pokrovsky. Moscow: State Publishing House of Legal Literature, 1959. pp. 99–142.

[3] Soloviev K. A. The Concept of Public Administration by S. Ye. Desnitsky: A Reconstruction Experience // Historical Journal: Scientific Research. 2022. No. 4. pp. 116–129.

[4] Egorov A. A. The Project of State Reforms in the Works of S. Ye. Desnitsky // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 3. pp. 98–105.

[5] Gratsiansky P.S. Desnitsky: From the History of Political and Legal Thought. Moscow: Legal Literature, 1978. 111 p.

[6] Baranova O.M., Shulcheva O.B. Legal and Spiritual Features of the Russian Enlightenment in the Scientific Heritage of S.E. Desnitsky // Bulletin of the Orenburg State Agrarian University. 2015. No. 3. pp. 340–342.

[7] Tsechoev G.V., Tsechoev V.K. S.E. Desnitsky in Russian Liberal Legal Thought and His Legislative Proposals in the Historical and Legal Themes of 18th-Century Russia in the Era of "Enlightened Absolutism" // Education and Law. 2021. No. 9. Pp. 432–434.

[8] Kutafin O.E. Head of State: Monograph. Moscow: Prospect, 2013. 558 p.

[9] Gladkovskaya A.O., Ivanova N.M. M.M. Speransky's Ideas on the System of Separation of Powers and Modernity // Legal Science: History and Modernity. 2022. No. 8. Pp. 28–31.